

**МИХАИЛ
ВОРОНОВ**

ПЛАМЕННАЯ
ЛЮБОВЬ

Михаил Алексеевич Воронов
Пламенная любовь
Серия «Калейдоскоп», книга 2

Аннотация

«— Кар-раул! режут! Ба-атюшки, спасите! Смерть моя пришла – ой-ой-ой! – такими неистовыми воплями в один из самых пленительных майских вечеров внезапно огласился дом, в котором жил я весной нынешнего года. Вопли, разумеется, произвели желаемое действие, ибо во дворе тотчас же поднялась самая невообразимая суматоха: тотчас же забегали по лестнице разные жильцы, затем засновали те же жильцы по двору, одни звали на помощь полицию, другие просто кричали неизвестно что, лишь бы только кричать хоть что-нибудь, третьи в смущении толклись на одном месте, разводили руками и бросали глазами по окнам – словом, все население дома пришло в великое движение, обрадовалось удобному для того случаю...»

Содержание

Михаил Воронов

Пламенная любовь

– Кар-раул! режут! Ба-атюшки, спасите! Смерть моя пришла – ой-ой-ой! – такими неистовыми воплями в один из самых пленительных майских вечеров внезапно огласился дом, в котором жил я весной нынешнего года. Вопли, разумеется, произвели желаемое действие, ибо во дворе тотчас же поднялась самая невообразимая суматоха: тотчас же забегали по лестнице разные жильцы, затем засновали те же жильцы по двору, одни звали на помощь полицию, другие просто кричали неизвестно что, лишь бы только кричать хоть что-нибудь, третьи в смущении толклись на одном месте, разводили руками и бросали глазами по окнам – словом, все население дома пришло в великое движение, обрадовалось удобному для того случаю. Я высунулся в окошко. По всем признакам, драма разыгралась в маленькой квартирке, открытые окна которой были как раз насупротив: опрокинутый горшок герани, свесивши свои ветви во двор, еще слабо трепетал своими зелеными лапчатыми листьями, показывая, что именно отсюда-то и был пущен зловеющий крик; в самой же квартирке то и дело мелькали головы и слышался шумный говор нескольких голосов.

– Она ево, слышь, маханула, – докладывала на дворе одна баба.

– Врешь, он ее, – перебила другая.

– А с чего же он-то голосил?

– А с того... озорник.

– Ну, с тобой-то, видно, говорить нужно поемши.

– Скажи, фря какая!

– Ох ты, горе-генеральша, волдарь-дворянка! Смотри-ка, как распетушилась, ровно и всамделишной человек.

Бабы еще по разику обнесли друг друга ругательствами, плюнули одна по направлению другой и побежали по лестнице, ведущей к месту скандала.

– Эх, ты, братец, какой же ты неповоротливый! – ворчал все на том же дворе на дворника хозяин дома, толстый-растолстый, как сороковая бочка, – ужли ж у тебя и веревки на этот раз не случилось?

Дворник побежал в свою конуру и через минуту явился с обрывком веревки.

– Что такое случилось? – раскланиваясь с домовладельцем, спросил подоспевший на зов надзиратель.

– Покушение на убийство-с. Резчика-с любовница ножом пырнула.

– С поранением?

– Нет, поранения, кабысь, нет. Да вот пожалуйста сами.

Хозяин, надзиратель в сопровождении городского и дворник с обрывком веревки поднялись на лестницу и вошли в квартиру резчика. Гвалт тотчас усилился: вопила какая-то женщина – вероятно, сама преступница, – стонал и молил

о помощи потерпевший от покушения на преступление, горячился домохозяин, ратовал дворник, галдели зрители, и, унимая других, больше всех кричал надзиратель. Но вот стали мало-помалу стихать, один только голос начальства по-прежнему переливался в высоких тонах. Еще минута – смолк и начальственный баритон: началась какая-то возня, среди которой то слышался визгливый женский голос, напряженно вопивший: «Юфимушка! Юфимушка!» – то вырывались отрывочные фразы, вылетавшие из мужских глоток, вроде: «Крути под лопатку!», «Захлестывай по локтям!», «Не кусайся, не кусайся!» – и проч. Возня продолжалась недолго и кончилась отчаянным «кар-раул, убили!», после которого что-то загремело по лестнице, и затем на дворе показались городской и дворник, волоком таща в квартал связанную по рукам и по ногам, растерзанную пьяную женщину, оглашавшую воздух самыми изысканными ругательствами. Толпа любопытных теснилась вокруг преступницы, а впереди, вертясь колесами и прыгая от радости на одной ножке, бежали дети. Процессия проследовала в ворота, и на дворе все смолкло. Я взглянул в окно резчиковой квартиры – там тоже полнейшая тишина; на столе горит огонь, и надзиратель что-то пишет: должно быть, составляет акт о происшествии. Акт этот составлялся довольно долго, несколько раз надзиратель то выпрямлялся и, повертывая голову направо и налево, делал вопросы присутствующим, то сгибался в дугу и упорно водил пером по бумаге. Наконец дело, по-

видимому, пришло к концу. Надзиратель взял со стола лист бумаги, повертел его перед глазами, поговорил о чем-то с присутствующими и затем высунулся в окно. Взор его упал прямо на меня.

– Милостивый государь! – обратился ко мне страж благоустройства и благочиния.

– Что вам угодно? – спросил я.

– Вы грамотный?

– Немножко, – отвечал я.

– Позвольте вас попросить сюда на минутку.

Я надел фуражку и отправился через двор.

Маленькая квартирка, в которую я вошел, была насквозь пропитана запахом водки. Квартирка состояла из крохотной передней, кухни и комнаты, в которой находился надзиратель, домохозяин, потерпевший от покушения на преступление и еще две какие-то бабы. На полу валялся разбитый вдребезги полуштоф, полено, куски сокрушенной тарелки и несколько огурцов, растоптанных в какое-то тесто. Потерпевший сидел на диване в розовой ситцевой рубаше и тупо вращал большими черными глазами, совершенно вылезшими из орбит. Черные густые волосы на голове его находились в полнейшем беспорядке, руки, когда он держал их без опоры, тряслись, как в самой злейшей лихорадке; сухие, потрескавшиеся губы беспрестанно искривлялись и чмокали, свидетельствуя о том страшном внутреннем жаре, который горел во всем организме этого несчастного алкоголиста.

– Вы извините меня, – обратился ко мне надзиратель.

– Ничего-с.

– Вы, вероятно, немножко знакомы с происшедшим здесь?

– Очень мало.

– В таком случае садитесь и потрудитесь прислушать.

Я сел и стал «прислушивать» пространный рассказ о том, как такого-то года, месяца и числа, такой-то части и квартала, в доме под номером таким-то услышан был крик, призывавший на помощь, и как местный надзиратель такой-то, в сопровождении городского такого-то, подкрепляемые домохозяйном таким-то и дворником таким-то, стремительно поспешили на крик, исходивший из квартиры резных по дереву дел мастера Ефима Семенова Локтева, вызванный покушением на жизнь его, Локтева, со стороны проживающей в той же квартире в качестве жилицы мещанки Матрены Ивановой Миролюбивой. Как затем тот же надзиратель производил дознание и как из сего дознания оказалось, что Локтев веры православной, на исповеди и у святого причастия бывает и ни в чем предосудительном замечен не был, а занимается резьбой по дереву; Миролюбова же хоть тоже веры православной и на исповеди и у святого причастия бывает, но, по словам Локтева, уже неоднократно грозила сему последнему, если таковой будет продолжать изменять ей в своей любви. Что полуштоф с водкой разбился, а равно и огурцы рассыпались по полу во время борьбы его, Локтева, с нею,

Миролюбовой; полено же было употреблено им, Локтевым, токмо для самозащиты, несмотря на каковую Миролюбова схватила со стола граверский инструмент, величиною в два с четвертью вершка, и намеревалась нанести ему, Локтеву, удар в правый бок, между восьмым и девятым ребром с прободением сердца.

Орудие преступления, то есть граверский инструмент, лежал на столе. Я взял его в руки и невольно улыбнулся, глядя на кусок железа с едва заостренным концом. Резчик, вероятно, не заметил моей улыбки.

– Двенадцатый номер – этим шутя потрохи выпустишь, – заметил он. – Вот первый номер, тот другое дело – у того нос-то тупой, а этот... он ведь что твое шило.

– Ну, «самозащита», по-моему, будет попрочнее, – сказал я, указывая глазами на полено.

– От полена-то одна шишка вскочит – ничего больше, а это внутреннее, – продолжал свое потерпевший.

Надзиратель перебил нас и продолжал чтение акта, излагавшего различные и многообразные подробности и закончившегося постановлением о вытрезвлении Миролюбовой, приобщении орудия преступления к делу и, наконец, о передаче самого дела в ведение судебной власти.

– Вот все это я вас попрошу подписать в качестве постороннего свидетеля, – обратился ко мне составитель акта.

– Но меня никуда не потянут?

– Никуда-с. Это одна форма.

Я подписал. Надзиратель и домохозяин раскланялись со мной и вышли из комнаты. Я тоже встал со стула.

– Господин! – вдруг возопил ко мне резчик, – позвольте вас просить посидеть минутку. Оставайтесь.

Я повиновался и снова занял свое место.

– Ну, что вы стоите? Вон! – обратился резчик к бабам, все еще остававшимся в комнате.

– Горчающий ты, прегорчающий! – с глубоким вздохом произнесла одна баба и повернулась к другой, – пойдём! Что на него смотреть, на непутевого.

– Сказано: вон! Машир нах гауз!¹

Бабы молча поплелись из комнаты.

– Господин! – снова возопил резчик, возводя на меня остолбеневшие от сивухи очи, – не в обиду будь сказано, позвольте от вас узнать, будет мне что-нибудь за все это?

– Вам-то за что же?

– Нет, вы позвольте... Думал было у начальства спросить, у правительства, вот которое тут было, но и так тоже в голове имел: ну, да как правительство-то за такие мои за речи да в клоповник меня ввергнет, а либо со щеки на щеку начнет? Ведь тоже этакое умыванье-то, ай-ай, обидно!

– Нет, вам ничего не будет.

– А ей?

– Ну, уж этого вам не могу сказать. Уж тут как суд взглянет.

---

¹ Машир нах гауз! – Марш домой! (*искаж. нем. marschiert nach Hause*).

– Эх, да кабы он, батюшка, взглянул потверже! По-моему, так тут надо благородно взглянуть, что ее, аспида, на кобыле да плетищами, – вот как надо взглянуть! Потому – двенадцатый номер; будь инструмент первого номера, так у того нос-то тупой, а ведь этот – шило.

Резчик помолчал немного.

– Ведь из-за чего дело-то вышло, скажу я вам, – скоро заговорил он снова. – Известно, не муж я ей, стало быть какие такие у ней права надо мной? Да и то сказать, и надлежащий-то муж, так и то нужно быть последним человеком, чтобы под бабы права пойти. Так нет, – не смей я с посторонней женщиной слова сказать! А тут как нарочно вон по вашему порядку, на той, значит, стороне двора, милашки живут. Ну, соблазн, человек не скотина какая, – вот я к одной и подбился. А Матрешка-то так носом за мной везде и водит. Пронюхала. Третьего дня грызла, вчера грызла, нынче опять та же материя. Взял я, извините за выражение, полено, стал учить. Я хмельной, она хмельная, известно, может быть, как и зашиб неведомо, – так зачем же инструментом-то норовать? Нет, погоди! За это вашего брата тоже не балуют.

Рассказчик сплюнул в сторону.

– А ведь по христианству так и жаль бабу. Если бы вам, господин, да рассказать, сколько мы мытарств с этой Матрешкой приняли, сколько она в меня денег посадила – и-и-и!

Резчик даже рукой махнул.

– Вы только послушайте, как первое наше знакомство вы-

шло, так можно со смеху помереть, – ей-богу, право!

– Я слушаю.

– Извольте. Было это годов пяток либо шесть тому назад. Жил я в те поры при своем мастерстве далеко отсюда, в городе Саратове. Ну, теперь я человек не старый, а тогда, известно, и помоложе и покраситее был. Как так произошло, теперь уж и не вспомнишь, а только втюрься в меня лихим делом эта самая Матрешка. А была она вдова – от солдата-мужа вдовела. Ну, знакомое дело, клюет рыба, подсекай, да и тащи ее, как говорят рыбаки. Надо же вам сказать, что Матрешка-то годов на восемь старше меня, стало, приятно ей этакого молодчика-то зацепить. Вот-с пошли у нас пиры да веселья: бывало, полштофа три, а то так и целую четвертную водки ухватим, да и жарим, с ней куда-нибудь на Волгу, на остров или в лес – ну, и кантуем там. Было же дело летом, так в петровки. Только опосля всего этого нашего веселья и надумала Матрена такую штуку: «Обрящила я, говорит, милый мой, тебя на большую радость себе; хочу, говорит, теперь тобою перед родными расхвастаться. Поедем в Пензу!» А ее родная тетка в Пензе живет. Надо же вам сказать, что как раз это время в Пензе ярманка бывает. Ну, известно, деньги Матрешкины, стало быть мне что за дело; говорю: «Поедем». Одначе, чтобы приехать нам в Пензу не кое-как, решили мы торговцами на ярманку объявиться. Вот накупили мы в Саратове соленых лещей, – а лещи там ничего не стоят, – наняли возчика, наворотили воз эвона какой и поло-

жили так: она, то есть Матрешка, отправится в Пензу передом, предупредит обо мне свою тетку, а я с товаром прибуду опосля; они же с теткой встретят нас у заставы и проводят куда следует. Сказано – сделано. Поехала Матрешка вперед поутру, а мы с возчиком выехали попозже, в обед этак. Вот выехали мы с возчиком за заставу, видим, кабаков по обе стороны что твоего песку морского насыпано, – давай прикладываться направо и налево. Дня три мы, никак, до Пензы-то ехали, и уж как ехали, сколь мы усердно вокруг этих кабачищей ходили, так и сказать не могу. Скажу только одно, что подъехали мы к Пензе зеленее зеленого вина, кошлатые², да оборвались-то все, да в грязище-то извалялись – страсть! Матрешка с теткой встречают нас у заставы, с диву дивуются, на нас гляючи. А надо вам объяснить, что Матрешка этим временем уж все спроворила как следует: и билет мне выправила на право торговли, и место на ярманке для воза откупила, – одним словом, в надлежащую точку вогнала дело. Вот-с, образили они с теткой маленечко нас³ и повели городом на площадь, на торг. Идем этга мы городом, вижу и направо и налево все капернаумы стоят, такое то ли вино из полуштофов на вывесках бьет, – любо-два! Стал я забегать то туда, то туда: там крючок ковырнешь, там парочку. Матрешка-то с теткой меня останавливают. «Ну вас, говорю. Хорош бы, говорю, был я торговец, кабы в новой губернии

---

² *Кошлатые* – растрепанные, лохматые.

³ *...образили они... нас...* – то есть придали должный вид.

да не попробовал вина!» И покуда на площадь-то шел, так, верите ли, до того этого зелья я в себя внедрил, так ветром меня и качает. Сколько у заставы дурости-то из головы по-вылетело, столько теперь опять насыпал. Наконец приехали на ярманку: спяну, что ли, мне, только народу показалось видимо-невидимо. А было дело поутру, так опосля ранних обеден. Ну, разумеется, приехали торговать, первым делом что тут следует? – выпить. Как Матрешка с теткой ни удерживали, вырвался я от них да прямо в питейный и возчика с собой увел – торгуйте, мол, как знаете сами. Рассадили мы тут с возчиком полштофа, вышел я опять на площадь к своему товару, а грязно таково на площади, да еще сверху дождь идет, и стал я недолго думая лещей с воза хватать да в народ ими помахивать.

Жалко, что ли, Матрене товару стало, ал и так просто дурь нашла, и вцепись она в меня с теткой, не плоше нынешнего. Тут я и пошел чесать. Тетку сейчас вверх ногами поставил; а Матрешку, верите или нет, в грязь по самые уши вбил – так одна голова только и торчит из грязи-то. Народ тут подступил, вступились за баб-то; возчик же, известно, за меня, – и почали мы этими лещами народ охаживать: иного как трянешь, так он сажень пять кубарем вертится, потому лещи у нас были подобраны матерые, крупные, в другом вон фунтов пятнадцать, двадцать весу, так сообразите-ка, ежели этой махиной да в рождество кому угодить. Ну, знакомое дело, сколько ни воюй, а вдвоем не много развоюешься; подоспе-

ла полиция, скрутили нам лопатки и повели в часть. Дальше уж я ничего не помню. Пришел вечер. Слышу-послышу от солдат, что моя Матрешка уж не одна забегала в часть и с приставом поладила, можно сказать, в наилучшем разе. «Ладно», – думаю. Завернулся и проспал до утра. Поутру вызывают к приставу. «Помните, что вы вчера наделали?» – пристав-то меня спрашивает. Ну, я вижу, что дело подмазано за первый сорт, винюсь перед ним. «Вы, говорит, не только у меня всех бутарей перебили, а и торговцев, гляди-ка, сколько с праздником сделали». А я ему на это: «Виноват, говорю, ваше высокоблагородие, насчет ваших бутарей; но что ежели насчет торговцев, так и мое дело такое же, как и их, торговое: грех да беда на кого не живут». Отпустил тут пристав нас с возчиком. «Ну, – подумал я, – Матрена, должно, ловко засыпала, что этак-то дело обошлось». Стали мы тут с возчиком я – товар, а он – подводу свою отыскивать. Говорят нам, что и то и другое у Матрениной тетки на квартире, указали где. Идем. И надо же, господин, греху такому быть: как раз против теткой квартиры стоит кабак; у нас же, известно, после вчерашнего горит вся нутренность – сейчас мы в этот самый кабак – цоп! Вырезали по стаканищу, вырезали по другому, сидим у окошечка да насупротив, на тетину-то квартиру поглядываем, апекиту дожидаемся, потому целую четверть заворотили. И усмотри нас тут из окна Матрешка, прибегла в кабак, зовет, сама плачет-разливается: ты, говорит, со мной и то и другое сделал, ты, говорит, во

мне все нутренности отбил; может, говорит, я жизни своей решусь через тебя. Вижу, в самом деле, зеленая-раззеленая передо мною стоит, что твоя лягушка, – сжалился. «Давай, говорю, две красненьких, тогда пойду!» Торговались, торговались мы с ней, наконец порешили мы с ней на пятнадцать серебра. Взял я деньги, говорю: «Ступай, сейчас придем!» А сам между тем держу на уме совсем другое. Как только Матрешка за двери, мы сейчас четвертную высадили с возчиком да задним ходом марш на ярмарку, а оттуда за город, на гулянье. Уж как мы тут чертили, на гулянье, так я вам и сказать не могу: и на качелях-то я качался, и с милашками прогуливался, и медведя водил, – просто угостил свою душу за первый сорт! К вечеру вернулся к Матрениной тетке. А надо вам сказать, что жила эта тетка с чиновником – пузатый такой, распузатый, словно пушка какая. Раз постучались – не отпирают, другой постучались – опять та же материя; стал я дверь с петель сворачивать. И выходит этот самый чиновник и, надо думать, грубое что сказал мне, а я, не будь дурак, развернулся да ногой его в брюхо как ахну, – так мой чиновник навзничь и покатился. Одначе скоро поправился, ухватил дубину да за мной. А светло еще на дворе-то. Выбегу я за ворота, а ему и совестно за мной с дубинкой-то гнаться, а войдет он в дом, я опять дверь ломать. Так прохороводились мы с ним, мотри, час, ежели не больше. Матрешка же с теткой, надо быть, схоронились куда – ни гугу! Воевал, воевал я с пузатым, наконец бросил – вспомнил, что на гулянье меня

один торговец звал ехать в ночь на другую ярмарку, в уезд, в Ломов. Оставил я тут возчика добиваться расчета, а сам пошел к торговцу. Переночевали мы с ним ночь, а наутро с зарей выехали в путь. Отъехали, может быть, каких-нибудь версты две-три, стала меня совесть мучить, думаю: «Много еще у Матрешки денег осталось». Опять же и то думаю: «В грязь ее по уши вбивал, в кабаке хворую видел – не умерла бы на грех». Думал, думал, нет – соскочил с телеги, говорю: «Пойду оборотом». Взял тут у торговца поминанье такое розовенькое, – он всякой мелочью торговал, – да и держу в уме: «Ежели, мол, сдохла, так хоть в поминанье впишу, попу подавать за упокой буду», – да с этими мыслями и вернулся опять к тетке. Как пришел, так сейчас и говорю всем им: «Простите, говорю, добрые люди, мне мою дурость, но только я супротив вас никакой злобы не имею». Сейчас Матрешку – чмок, тетку чмок, с пузатым за ручку поцапался. И, верите или нет, так я им этим моим обращением угодил, что тетка даже в слезы ударилась, а пузатого своего кубаря, так даже поедом съела: «От чужих, говорит, людей только удовольствие и получаю, а от тебя хоть бы ласку какую когда». Сейчас умереть, если вру! Ну, тут мы на радостях расколупали четвертную, расплатились с извозчиком – лещей бабы-то еще накануне продали – вымазали Матрену скипидаром, чтобы здоровее была, да и марш в Саратов. А ежели бы вы знали, как не пускали нас, да как звали в другой раз погостить, – просто страсти! Вот они какие у нас дела с Мат-

решкой-то бывали! – закончил резчик.

Я поднялся со стула.

– Вы уходите?

– Да уж пора.

– Пойду-ка и я Матрешку вызволять, – вставая с места, проговорил резчик.

– Ну, это вам едва ли удастся.

– Мне хоть бы глазком одним на нее взглянуть: очень уж соскучился.

Мы вышли из квартиры вместе, а затем разошлись в разные стороны.

Прошло полтора-два месяца. Я уже совершенно забыл о резчике, как вдруг встретил его на улице под руку с какой-то миниатюрной тщедушной женщиной.

– Наш атлас нейдет от нас! – приветствовал меня резчик, указывая на свою спутницу. – Ездила ведь, шельма, домой, да вернулась-таки. Недаром же в песне-то говорится:

И за что тебя, каналью,
Так жестоко полюбил? –

подмигнул мне резчик и фертom прошел мимо, увлекая за собой свой «атлас».